

нравится, но пути ее воплощения в жизнь заставляют сомневаться в однозначности ответа.

М. М. Как Вы считаете, изменится ли некая «магистральная линия» преподавания на кафедре специальной композиции и импровизации после ухода Сергея Михайловича?

А. В. Я пока не вижу предпосылок для того, чтобы эта линия поменялась, потому что Сергей Михайлович, будучи человеком мудрым, позаботился о преемнике. Все мы знаем Антона Валерьевича Танонова, который, мне кажется, следует той же идеологии. Я уже давно за ним наблюдаю, он знающий руководитель, и я уверен, что он будет двигаться курсом, который взял в свое время Слонимский.

Сергей Михайлович был таким человеком, который охотно развивался, примером чему является его творчество без границ и строгих установок, составы его симфонических произведений. В частности, в последнем исполненном нами оркестровом сочинении «Симфонический распев» используются народные инструменты.

Его композиторская изобретательность свободна от четких правил и доброжелательна к новизне. Мне кажется, Антон Валерьевич продолжит эту линию. Я на это надеюсь.

М. М. Что бы Вы пожелали студентам класса Сергея Михайловича, оставшимся без Наставника?

А. В. Что пожелать студентам? Оставаться достойными своего учителя. Один-два урока Сергея Михайловича — это уже школа. Многие из них успели пообщаться с ним значительно дольше. Я желаю ученикам Слонимского нести по своей творческой жизни все то, что они восприняли, как можно дольше, так как Сергей Михайлович был исключительно интересен и в человеческом, и в творческом общении. И то, что они получили, — это богатство. Не знаю, как распорядится судьба и в класс какого педагога они будут распределены, но то, что они уже имеют, — очень важная часть их композиторского образования.

Не забывайте использовать подаренное вам судьбой!

С А. Н. Васильевым беседовала М. В. Михеева

In memory of Sergey Slonimsky

The material, dedicated to the memory of Sergey Slonimsky — an outstanding composer, Professor, who was a Head of the Music composition and Improvisation Department of the St. Petersburg State Conservatory for many years. S. Slonimsky passed away on February 9, 2020.

Keywords: S. M. Slonimsky, Leningrad – St. Petersburg Conservatory, composer, students, manuscript.

Памяти Сергея Михайловича Слонимского

Материал, посвященный памяти выдающегося петербургского композитора, профессора Сергея Михайловича Слонимского, долгие годы возглавлявшего кафедру композиции и импровизации Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. С. М. Слонимский ушел из жизни 9 февраля 2020 года.

Ключевые слова: С. М. Слонимский, Ленинградская – Санкт-Петербургская консерватория, композитор, студенты, рукопись.

АНТОН ВАЛЕРЬЕВИЧ ТАНОНОВ. Композитор, заведующий кафедрой специальной композиции и импровизации Санкт-Петербургской консерватории, директор Санкт-Петербургского филиала Союза композиторов России, музыкальный руководитель театра «ЛДМ. Новая сцена»

Сергей Слонимский — человек-симфония

Моя встреча с Сергеем Михайловичем состоялась в 1995 году и произвела на меня неизгладимое впечатление. Он был очень импозантно одет — старые вытер-

тые джинсы и куртку-аляску. В тот сумрачный февральский денек Слонимский занимался на самом верхнем этаже исторического здания консерватории. Лифт не работал, и я, запыхавшись, прибежал в класс. Я еще не отдышался, а Сергей Михайлович попросил прервать показ своей музыки студента и усадил меня за фортепиано. Предложил поиграть музыку — на выбор, все что вспомню — от Монтеверди до Шнитке. По ходу дела он задавал уточняющие вопросы, и если я «подтормаживал», сам садился за рояль и лихо демонстрировал тот или иной фрагмент Глюка, Шумана, Мартину. Для Сергея Михайловича знать музыку значило играть музыку.

Мне повезло — я поступил в класс Слонимского и имел счастье общаться с этим великим музыкантом и человеком 25 лет. Наши групповые занятия по композиции проходили по понедельникам и четвергам и неизменно начинались в 15.00. На моей памяти Сергей Михайлович никогда не опаздывал. Занятия строились по сценарию: показ музыки студентом (Слонимский просил всегда играть свою музыку при первом знакомстве с произведением в классе), а затем начиналось самое интересное. Со свойственным только ему чутьем он демонстрировал варианты как можно было бы развить материал, в какую сторону развернуть форму. При этом в каждом студенте он видел индивидуальность, не старался «задавить» студента своим авторитетом, а показывал еще несколько путей, возможностей, как могло бы быть иначе. Благодаря этому, выпускники — состоявшиеся композиторы школы Слонимского — так стилистически непохожи друг на друга. Помню, на окончание консерватории Сергей Михайлович подарил мне либретто Тима Райса «Иисус Христос — суперзвезда», при этом за все пять лет мы не обсуждали ни разу жанр рок-оперы или мюзикла. Сейчас этот жанр стал центральным в моем творчестве...

А затем наступало время анализа музыки, и здесь Сергея Михайловича было не остановить. Он мог анализировать насквозь оперы, балеты, симфонии, легко переключаясь с одного опуса на другой, при этом делал это захватывающе, используя колоссальное количество «гиперссылок» из разных областей искусства, науки, политики и истории. Отдельной радостью было посещение «Музыкальных собраний» — благородных начинаний Слонимского. Они всегда были посвящены выдающимся музыкантам, незаслуженно забытым представителям Петербургской композиторской школы, сопровождалась яркими музыкальными выступлениями, дискуссиями, и от начала и до конца комментариями и полноценными докладами Сергея Михайловича. До сих пор не понимаю, когда он успевал к ним готовиться? Очень часто на музыкальных собраниях Сергей Михайлович садился за рояль и блестяще импровизировал на тему из зала, ну и конечно, нельзя не вспомнить знаменитые «иллюстрации за роялем Слонимского», когда, рассказывая о забытом музыкальном произведении, он садился и играл его темы по памяти.

Сергей Михайлович любил приглашать в класс знаменитых композиторов, поэтов нашего времени. Помню, какое неизгладимое впечатление произвела на нас, молодых студентов, встреча с Александром Городницким и Исааком Шварцем. Во время встречи с Городницким Слонимский ему аккомпанировал, со Шварцем — метко обменивался замечаниями по поводу современной киномузыки.

Слонимский обладал парадоксальным мышлением: услышав одну из моих пьес еще на I курсе он произнес: «Это штаны». На тот момент я был обескуражен, и значение узнал много позже. Оказывается, учитель играл на бильярде, и «Штаны» — это удар, когда одним

шаром вы загоняете два шара в две разные лузы. Или уже в аспирантуре, слушая мою фортепианную сонату, он произнес фразу: «Вам надо в этом месте избавиться от партизанских терций», имея в виду параллельное движение терций, в постсериальном фрагменте, конечно же, они были неуместны. Врезался в память и ответ профессора на вопрос: «Что же такое яркий, рельефный тематизм?» — «Тема, записанная красным фломастером».

Настоящий учитель вдохновляет собственным примером. Благодаря Сергею Михайловичу, его 34 симфониям целое поколение молодых музыкантов полюбили современную оркестровую музыку. Его колоссальная энергия передалась его ученикам, сохранилась в его музыке. Уход Сергея Михайловича — это невосполнимая потеря для мирового музыкального сообщества. Мы — его ученики — сделаем все возможное, чтобы творчество Сергея Михайловича продолжало жить и вдохновляло на творческие победы новые поколения композиторов.

НАСТАСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ХРУЩЁВА. *Композитор, доцент кафедры истории русской музыки Санкт-Петербургской консерватории*

Из чего состоит музыка Слонимского? Это архаичный славянский напев, причудливость шемякинского Щелкунчика, неожиданное мажорное трезвучие, русская классическая традиция и петербургский текст, а главное — высокий градус витальности, идущий от русского *пересмешничества*. Не оно ли — «цветок бессмертия», который искал Гильгамеш? «Прощание с другом» на текст «Эпоса о Гильгамеше» в переводе Дьяконова Слонимский считал своим главным сочинением.

Музыка Слонимского захватывает: пианисты и скрипачи, виолончелисты и вокалисты выбирают ее для своих концертных и конкурсных программ, ее включают в списки обязательных пьес, ее много издают — и тиражи раскупаются. Почему? Помимо глубины и одновременно легкости, в музыке Слонимского всегда есть некий *разворот к исполнению* как таковому: она как будто учитывает и форму руки, и изгиб струны. А музыка для детей? Все юные российские (и не только) пианисты знают «Мультфильм с приключениями», «Дюймовочку», «Бармалея», Польку из «Ревизора». Песня «У кошки четыре ноги», ставшая частью советского культурного кода, авторская, но многие считают ее фольклором — просто видимо Слонимский знал о детстве что-то важное.

Мелодия — «невидимый град Китеж» музыки Слонимского. Очень часто его темы можно в прямом смысле слова напеть (что редкость в новой музыке), в других же случаях она подспудно присутствует даже во внешне «хаотической» музыкальной ткани. И дело не только в этом, но еще и в том, что он вообще грезил о приходе *мелодического ренессанса*, считал, что пришло время мелодии как нового высокого синтеза: он еще не наступил, но вот-вот придет. Его последняя и самая фунда-

ментальная книга «Мелодика» (2018) обозначено как пособие для вузов. На самом же деле это новая дисциплина, тут же введенная Слонимским в обязательную программу студентов Петербургской консерватории.

Как проходили уроки композиции в классе Слонимского? С 15 до 18 часов — занятие со студентами: сразу со всем классом, с 19 до 22 — основательный аналитический разбор какого-нибудь произведения. Например, опера играется на рояле и поется целиком с параллельными комментариями. Ноты здесь в принципе не нужны, они ставятся для студентов, а вообще вся мировая музыка есть у Слонимского в голове и в пальцах.

Среди учеников Слонимского много и тех, кто носит на себе печать стиля учителя: жюри симфонических конкурсов переглядывается, когда звучит знакомый оборот (дорийский минор, специфичное последование трезвучий) — вот опять слышно «слоновского» ученика. Еще больше у него учеников непохожих. И это очень важно. Уметь видеть *другое*, приветствовать непохожее — самое сложное и недостижимое в искусстве обучения композиции. Как научить тому? Слонимский мог.

Ровесник Шнитке и Денисова, до 2020-го года включительно продолжающий создавать и влиять. Энергичное жилистое тело, в котором внутренний стержень столь силен, что незаметен частичный паралич последних недель (разве он когда-нибудь принимал во внимание *физическое*?.. Ни одного пропущенного занятия «по болезни» только за мои восемь лет обучения у него). Десятки учеников, которые приходили в больницу не только навестить, но и показать свою новую музыку.

Нельзя уйти из пространства, которое сам и создал. Смерти нет.

СЕМЁН ВИКТОРОВИЧ ЗАБОРИН. *Концертмейстер вокально-режиссерского факультета, доцент кафедры концертмейстерского мастерства, студент I курса композиторского отделения Санкт-Петербургской консерватории*

Рыцарь петербургской культуры

Трудно писать о Сергее Михайловиче и понимать, что его нет. Очень ясно звучит внутри его голос, с неизменным вопросом: «Ну, что нового, что смешного»? Его характерная интонация благородной доброй иронии не изменилась даже во время тяжелой болезни. Очень зримо представляется палата в Центре имени Вредена, в деталях запомнилась последняя беседа. Хотя, таковой она не казалась: мы сказали друг другу обычное: «До свидания!» и, очевидно, когда-нибудь снова встретимся. Я в это верю.

С. М. Слонимский был наставником для нескольких поколений музыкантов, не только композиторов, но и исполнителей. На его «Музыкальных собраниях» в Камерном зале консерватории воспитывались не только слушатели, но и участники концертных программ, среди

которых было много студентов и аспирантов. Это были уроки, на которых мы вслушивались в русскую музыку XIX века и сочинения ленинградских композиторов поколения учителей Сергея Михайловича, на которых формировалось наше мировоззрение, воспитывалось столь нужное молодому музыканту чувство справедливости. На этих уроках мы учились воспринимать тон «петербургского камертона», который задавал нам Сергей Михайлович своим отношением к русской музыкальной культуре.

Особые воспоминания для меня — подготовка и исполнение его камерно-вокальных сочинений. Дважды, в Малом зале филармонии (2017) и в Концертном зале консерватории (2018) звучал вокальный цикл «Песни вольницы» с Ларисой Поминовой и Юрием Власовым. Многократно мы исполняли романсы из вокальных циклов на стихи А. Кольцова, Г. Ибсена, О. Мандельштама с тенором Сергеем Муравьевым; в камерном варианте звучали фрагменты из опер «Гамлет», «Король Лир», «Видения Иоанна Грозного». На каждом из этих концертов композитор был в зале, и его присутствие не подавляло, а, наоборот, вдохновляло исполнителей, заставляло раскрыть самые сильные творческие качества.

Сергей Михайлович сам был великолепным пианистом, исключительно хорошо знал голос и мог точным кратким замечанием направить исполнителей на нужную стезю. Так, перед премьерным исполнением цикла «Мадригалы Козьмы Пруткова» в 2018 году он дал очень подробные указания мне и тенору Леонтию Сальенскому. Исполнением остался чрезвычайно доволен, сказав: «Вы выполнили каждое мое замечание!».

Летом 2019 года Сергей Михайлович написал вокальный цикл «Русские элегии Анны Ахматовой», оказавшийся последним, и попросил Ларису Поминову и меня представить его публике. Исполнение было намечено на 21 февраля 2020 года. В конце декабря я принес ему домой только что вышедшие в издательстве «Композитор • Санкт-Петербург» ноты. Он уже в основном лежал в своем кабинете, двигаться, а тем более, вставать было трудно. «Пожалуйста, поиграйте мне», — попросил он. С трепетом прикоснулся я к его роялю. На этом уроке нельзя было взять неверную ноту в его прозрачной и соразмерной до мельчайших подробностей фортепианной фактуре. Он сам тихонько стал напевать вокальную партию под мой аккомпанемент. Так мы прошли с ним весь цикл. «Я, скорее всего, не смогу быть на премьере, но, уверен, что у вас будет все в порядке», — сказал он тогда.

Буквально до последнего дня Слонимский руководил работами своих студентов-композиторов. Навещая его в больнице, мы обсуждали дальнейшие творческие планы, и, конечно же, приносили ему новую музыку. Это интересовало его больше всего. «Вы принесли что-то новое?», — на этот вопрос, понятно, нельзя было ответить отрицательно, — «Надо бы посмотреть». Он брал тетрадку и подробно, такт за тактом просматривал сочинение целиком, спрашивал, комментировал, как всегда, схватывая самую суть.

Конечно, он многое передавал своим ученикам в отношении мастерства. За его замечаниями, порой краткими, но всегда удивительно меткими, стоял опыт крупнейшего композитора современности. Но, возможно, еще больше он повлиял на нас своей личностью, примером своей жизни, рыцарским романтически-благородным отношением к своим учителям, ученикам, исполнителям, коллегам, к своей семье. «Я начинаю каждый свой день с молитвы за учителей», — признался Сергей Михайлович в одном из интервью. Теперь он оставил этот обычай нам.

ГЕОРГИЙ ФЁДОРОВ. *Ассистент-стажер 2-го года обучения композиторского отделения Санкт-Петербургской консерватории*

Сергей Михайлович Слонимский производил ошеломляющее впечатление своей энергией и активной гражданской позицией. Я начал учиться у него, когда композитору было уже 80 лет. И, будучи почтенным профессором, он самым первым выходил на любых митингах, писал открытые письма правительству, напористо доказывал свое мнение в любой административной конторе.

Он никогда не отступал от своего решения, никогда не менял своего мнения, никогда не улыбался кому-то, потому что так положено по должности, никогда не был приспособленцем. Если ему что-то не нравилось, он прямо об этом говорил, в любом случае. И вот при таких железных принципах Сергею Михайловичу удалось прожить великую жизнь и добиться признания со стороны мировой общественности.

Порядочность, честность и великодушие Сергея Михайловича нашли отражение в его творчестве — смело, ярком и глубоком. Эти же качества он взращивал и в нас — в своих учениках.

Сергей Михайлович был незаурядно умным человеком. Казалось, что он знает все обо всем. С ним часами можно было разговаривать на любые темы. А когда речь заходила о музыке, можно было увидеть, как его глаза сразу горели искрами. Он очень сильно любил музыку, любил ее живой любовью, любил ежесекундно. Он был ее рыцарем.

Спасибо Вам, любимый Сергей Михайлович, что Вы жили рядом, что Вы творили в нашем мире. Своим примером Вы вдохновили нас на великие дела!

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА ТАЙМАНОВА. *Режиссер, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры режиссуры музыкального театра Санкт-Петербургской консерватории*

Сергей Михайлович Слонимский — это огромное пространство, в которое я входила постепенно. Еще в школе-десятилетке я слышала его оперу «Виринея», которая потрясла меня истовостью женских арий и, особенно,

соприкосновением с подлинным фольклорным материалом — сквозной темой его творчества. Будучи абитуриенткой нашего вуза, я стала свидетелем его первых значительных премьер, познакомилась с очаровательными песнями на стихи Даниила Хармса, удивительно легкими, изящными, изысканными. Потом я узнала его как блистательного пианиста, который так «по-брамсовски» касался рояля — по-видимому, школа В. В. Нильсена оказала большое влияние на его пианизм. Затем я стала постигать Сергея Михайловича в развитии: мне довелось присутствовать на премьерах его 34-х симфоний. Слонимский был столь многомерен, что можно подивиться сосуществованию в его композиторском наследии таких контрастных опер, как «Виринея», «Мария Стюарт» или «Видения Иоанна Грозного» (последнюю поставил Мстислав Ростропович). В богатстве его творческих возможностей я убедилась и когда со своими студентами работала над постановкой опер «Гамлет» и «Король Лир». А его вокальные циклы? Жаль, что он мало написал песен, ведь он был так понятен в них. Многие знают, что у него есть детские песни, которые считают чуть ли не народными. А песня «Деревянные костюмы», которую поет Владимир Высоцкий в фильме «Интервенция»? Это просто романтическая баллада, авторство которой приписывают непосредственно актеру, но ведь это музыка Слонимского. В трудную для меня минуту, когда не стало моего мужа, он нашел возможность написать цикл из трех номеров на стихи певицы и поэта Натальи Сорокиной, связанный с именем Владислава Успенского и моим. Фраза «Я замерзла, я продрогла, ты согрей меня дружок / Я замерзла, я продрогла, обогрей меня дружок» стала мне опорой, «дружеским плечом». Он многогранен как титан Возрождения!

Он был разным и в жизни. Он умел быть нежным и внимательным другом. И я не забуду, как мои дни иногда начинались его вопросом «Ну, что смешного?». И мы обсуждали с ним дела консерватории, Ученого совета, где он всегда выступал как человек, искренне исповедующий важность выбранного направления в развитии консерватории. Ведь далеко не все давали конкретные предложения новому руководству. А он предлагал, и ему верили. Сергей Михайлович мог быть резким и не любить целый ряд имен или направлений, но он вел себя корректно. Чаще он уходил в сторону, но иногда бывал и ревнив. Например, когда другой яркий композитор иначе выражал русский мелос в своем творчестве. Тем не менее, он был достаточно гибок, чтобы помогать своим таким разным ученикам, как Иван Александров, Настасья Хрущёва, Антон Танонов и другим молодым авторам, которых он опекал и которые несут за собой шлейф его школы.

Сергей Михайлович Слонимский прожил замечательную жизнь. Он один из тех современных композиторов, которым удалось создать свою аудиторию слушателей. Его оперы востребованы в различных театрах. Его симфонии продолжают исполняться всей нашей дирижерской школой. Его фортепианные произведения

исполняются и маленькими, и большими музыкантами. Больно, что его нет, но он остался в том, что сделал, и в тех, кого воспитал, и в тех, кому он подарил свою дружбу. И я счастлива, что я и мой муж входили в круг его друзей и принадлежали к тем, кому он вовремя давал прекрасные человеческие советы.

Слонимский — это еще и пространство лукаво-остроумное, потому что он писал замечательные стихи. И даже моей семье он посвятил ряд «несколькостий». Например, когда мой муж Владислав Успенский ушел в направление авангардной музыки и его за это не похвалил секретарь обкома партии товарищ Толстиков, то Сергей Михайлович написал очаровательные строки:

*Смелей клади ты железяки,
Ведь ретрограды просто бяки.
Резвей на левый флаг иди!*

Так он напутствовал Владислава Успенского на сочинение «Музыки для струнных и ударных», «Музыки для скрипки и ударных» или «Абзаца для препарированного рояля», куда он действительно клал «железяки». Мне он писал, поддерживая меня на лоне режиссерской деятельности:

*О, выдающаяся Ира!
Вы покорили бы полмира!
Полвуза полуисходили,
Полмира полуполюбили,
Да, полнота пришла к Вам впору,
Довольны ею Вы вполне.
Так что же? Подымайтесь в гору
На этой радостной волне.*

А спустя годы:

*Когда-то Иры половина
Рождала разных мнений рой.
Теперь же цельная картина —
За Иру стар и млад горой.
И режиссер она великий,
И стопроцентная жена.
И даже дамы злоязыки
За Иру дружно пьют до дна.
Ликуйте Ира и цветите!
К элите Вы принадлежите!*

Я думаю, что Сергей Слонимский — это огромная глыба, подобная той, на которую вознесся Медный всадник и на которую еще долго взбираться поколениям его последователей. Он сумел стать известным в узких кругах польской и французской интеллигенции, получить множество заслуженных регалий, и успел стать добрым и хорошим учителем для множества людей разных поколений. В этом его сила.

ТАМАРА ЗАКИРОВНА СКВИРСКАЯ. *Музыковед, главный редактор редакционно-издательского отдела, зав. НИОР НМБ СПбГК в 1994-2016 гг., преподаватель кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории*

Крупницы бесконечности

О рукописях Сергея Михайловича Слонимского

Сергей Михайлович Слонимский прожил долгую и прекрасную жизнь, наполненную творчеством, музыкой, большими делами и благородными поступками. Могучая личность ренессансного типа, он был велик и в творчестве, и в жизни. Художник огромного жанрово-стилистического диапазона, он мог мастерски написать и жалостливую песенку беспризорника «У кошки четыре ноги», и сложнейшую симфонию. С течением времени, возможно, музыка Слонимского заслонит его душевный облик, но для его современников, имевших счастье видеть и слышать Сергея Михайловича, общаться с ним, не менее важной, чем его творчество, была его уникальная личность, которая отвечала потребности людей в нравственном авторитете, высоком примере честности и бесстрашия, отвечала желанию приобщиться к силе духа. Слонимский не поступался совестью, не боялся высказывать свое мнение, отстаивать справедливость, был неравнодушен к острым вопросам и проблемам современной культуры и жизни. Вся его жизнь и все его творчество — это «Песня вольницы», песнь свободымыслия и вольнолюбия. Внутреннее благородство, аристократизм духа сочетались в нем с замечательной демократичностью и простотой в общении, скромностью и непосредственностью. Он был равно чужд чиновничества и «чувства собственной важности». Вспоминается, как на открытой творческой встрече Слонимского со студентами и всеми заинтересованными слушателями, состоявшейся в конференц-зале Петербургской консерватории 28 марта 2013 года, он поделился личным наблюдением о том, что, как правило, люди «чем талантливее, тем скромнее, и наоборот, чем посредственней — тем крикливее, нахальнее»...

Сергей Михайлович был связан с Ленинградской-Петербургской консерваторией с 1950 года и до конца жизни, будучи ее студентом, аспирантом, затем педагогом. Само присутствие Слонимского в консерватории успокаивало — как биение огромного сердца Гулливера успокаивало лилипутов... В последние несколько лет каждый понедельник и четверг великий композитор заходил в отдел рукописей, вместо приветствия звучало его неизменное: «Ну, что хорошего?». Или ироническое: «Ну, что смешного?». Он живо интересовался деятельностью отдела, иногда заглядывал на ежегодные научные Чтения отдела рукописей; в ноябре 2008 года на Чтениях, посвященных 70-летию отдела, выступал с горячим приветственным словом и подарил несколько своих музыкальных автографов. Подобные дары от Сергея

Михайловича поступали и ранее, и позднее. Именно сюда, в отдел рукописей библиотеки Петербургской консерватории, Слонимский решил безвозмездно передавать свои рукописи и другие документы, хотя многие крупные архивы, в том числе зарубежные, сочли бы честью приобрести манускрипты одного из самых выдающихся композиторов нашего времени.

К счастью, все свои сочинения Сергей Михайлович записывал от руки, как это делали музыканты в течение многих веков. Эта традиция уже почти исчезла. Во многом — не только в этом — Слонимский был «последним из могикан». Рукописи остались правдивым зеркалом его жизни и музыки.

Собрание рукописей Сергея Михайловича Слонимского в консерватории складывалось постепенно. Поначалу это были единичные поступления. Так, в 1990 году Слонимский по инициативе директора консерваторской библиотеки Е. В. Некрасовой¹ передал в отдел рукописей несколько своих автографов, в их числе романсы на стихи А. С. Пушкина «Зимний вечер» и «Последняя туча». Жена композитора Раиса Николаевна Слонимская подарила в 2004 году черновую и беловую рукописи вокального цикла на стихи С. А. Есенина «Москва кабацкая». В июне 2008 года Сергей Михайлович принял решение систематически передавать свой архив по частям в Петербургскую консерваторию. С тех пор сотрудники отдела рукописей — Эльвира Фатыхова (ван Домбург), Тамара Сквирская и Лариса Миллер неоднократно по приглашению композитора посещали его квартиру на углу канала Грибоедова и Чебоксарского переулочка (в знаменитом «писательском доме», где жил и отец композитора, писатель, «серапионов брат» Михаил Леонидович Слонимский) и получали папки, стопки, пакеты с рукописями и другими архивными документами. К настоящему времени в отделе рукописей собралась значительная коллекция архивно-рукописных материалов Сергея Михайловича Слонимского — свыше четырех сотен единиц хранения, которые представляют практически все жанры и все периоды его творчества. Имеются, в частности, материалы (с различной степенью полноты — от набросков до законченных партитур) следующих сочинений: опер «Виринея», «Мастер и Маргарита», «Мария Стюарт», «Видения Иоанна Грозного», «Антигона», «Гамлет», «Король Лир»; балета «Волшебный орех»; музыки к кинофильму «Интервенция»; музыки к пьесам «Робеспьер» Р. Роллана, «Вне закона» Л. Н. Лунца; почти всех симфоний; произведений для солирующих инструментов с оркестром; вокально-симфонических произведений, в их числе «Песни вольницы», «Реквием», оратория «Час мужества»; песен и романсов на стихи М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. В. Кольцова, А. А. Блока, О. Э. Мандельштама, Н. М. Рубцова, А. М. Городницкого и др.; фортепианных сочинений и т. д.

Сотни и тысячи страниц эскизов, черновиков, партитур, клавиров, написанных С. М. Слонимским карандашом, чернилами, шариковой ручкой; черновики статей, открытых писем, заявлений, отзывов; планы, отчеты и другие документы — это свидетели и следы его жизни, творчества, многообразной кипучей деятельности, свидетели целой эпохи музыкальной жизни нашей страны. Неповторимый размашистый угловатый почерк Слонимского несет в себе, как почерк любого крупного творца, яркое орнаментальное и эмоциональное своеобразие, в рукописях отражается, как в волшебном зеркале, его творческий портрет и его душевный облик.

Различные типы музыкальных рукописей — от карандашных набросков до корректурных экземпляров партитур (готовившихся к печати в дружественном Сергее Михайловичу издательстве «Композитор • Санкт-Петербург» — его директору Светлане Эмильевне Таировой посвящен романс Слонимского «Гимн златокудрой Афродите») с авторской правкой — представляют разные этапы творческого процесса композитора и могут стать объектом для интереснейших источниковедческих и текстологических штудий, для изучения истории создания произведений выдающегося мастера. Черновые автографы показывают трудный путь рождения произведения, приоткрывая нам мастерскую Слонимского и приближая нас к тайне творчества и тайне творческой личности. Рукописи свидетельствуют о невероятной работоспособности композитора, его требовательности к себе и высокой культуре труда.

Мудрый мастер сохранил и оставил потомкам свой творческий архив, который таит в себе бесценные уроки и глубокие смыслы. Сознательным систематическим собиранием своего архива и передачей его на государственное хранение Сергей Михайлович отвечал на вопросы, предъявляемые ему культурой. Осознанное стремление к документированию своего творческого процесса проявлялось и в том, что в конце рукописей Слонимский, как правило, ставил даты, отмечающие начало и конец работы над произведением (например, в конце партитуры 33-й симфонии: «17.08–1.09.2013. Репино — Петербург»). Эти пометы запечатлели место рукописи композитора во времени и пространстве, ее координаты в бесконечности...

Известны слова С. А. Губайдулиной: «Каждый раз, когда до меня доносится музыкальный голос Сергея Слонимского, я испытываю почти детское чувство: „Пока что все в порядке, мы еще не заблудились“». Слонимский ушел из этой жизни в бессмертие, но его музыка и живая память о нем дают надежду на то, что все будет в порядке, мы не заблудимся. Эту светлую надежду дают и хрупкие листы рукописей — крупинки бесконечности, уносящие нас из будничной суеты в звенящие просторы вечности.

Материал подготовила М. В. Михеева

¹ Елена Владимировна Некрасова занимала пост директора Научной музыкальной библиотеки с 1986 по 2018 год. (Прим. ред.).